

По лестнице прогрохотали шаги: Хильд вернулась. Она не просто переоделась: то, что она носила, было больше похоже на смесь рыцарского доспеха и «дембельского мундира». На груди у неё красовалась лёгкая кираса тёмно-зелёного цвета, к ней белыми шнурами-аксельбантами крепился светло-жёлтый нагрудник с белой перевернутой звездой и мечом.

На руках и ногах латной защиты не было, кроме небольших наплечников и наколенников, но зато висели целые гроздья кожаных ремней и подсумков, так что даже одежды не было видно. На голове опять красовалась треуголка.

— Ты ещё здесь? — прорычала она, увидев меня. — Проваливай из моей Тихани во тьму! А вы чего расселись, дармоеды? Марш строиться!

Копейщики, успевшие притащить с кухни чашки и тарелку со стопкой тонких блинчиков и мирно попивавшие чаёк, виновато забормотали. Они дружно поднялись и выбежали из зала, опрокинув лавку. Хильд прошагала к столу, схватила Влада, всё так же безучастно смотрящего в пустоту, за шиворот и вытянула из кресла.

— Ты тоже идёшь.

— Постой, Хильд! — я заступил валькирии путь к выходу. — Возможно, есть другой путь победить упырей.

— Да неужели? И какой, подождать, пока они не умрут от старости? — Хильд оставила пленника рядом со мной и подошла к столу за своим мечом.

— Возможно, даже сражаться не придётся.

Меч с шорохом вошёл в ножны. Пленник рядом со мной грустно вздохнул.

— С дороги.

— Хотя бы выслушай его, Спичка.

«Спичка»? Голосок Марты из вороха тряпок в кресле прозвучал еле слышно, так что я мог и ослышаться. Но лицо Хильд мгновенно покрылось красными пятнами. И правда, вспыхнула как спичка. Главное сейчас не смеяться. Не смеяться.

Валькирия уставилась на меня своими удивительными глазами. Постепенно цвет её кожи стал нормальным и она нехотя проворчала:

— Ладно, рассказывай. А тебе, Марта, я когда-нибудь язык отрежу.

Я подошёл к остывшему самовару.

— У подземных сооружений есть много слабых мест. Одно из них — вентиляция. Углекислый газ тяжелее кислорода, и без принудительной...

— Стоп-стоп-стоп! — Хильд замотала головой. — Я ничего не поняла. Давай ещё раз, человеческим языком.

Можно подумать, я на эльфийском объясняю. Ладно, надо попроще. Как директору на совещании.

— Короче, если мы заткнём все дыры в их жильё, они задохнутся.

Хильд встрепенулась и резко повернулась к камину.

— Марта? Это правда?

— Неа.

Ворох тряпья в кресле зашевелился. Из него показалась лохматая голова девочки.

— Ты чем пленника слушал? У них там куча оранжерей. С растениями. А знаешь, что делают растения?

— Растут.

Ого, а Марта-то оказалась образованной девицей. Вот уж не думал, что здесь кто-то знает о фотосинтезе. Я и сам про него, если честно, не вспомнил. Однако признавать свой промах сейчас нельзя. Нужно срочно придумать другой вариант уничтожения Убежища, пока Марта не замолчала.

— Да, растут. А ещё они превращают углекислый газ в кислород. Которым дышат люди. Люди, которые дышат и превращают кислород в углекислый газ. Замкнутый цикл, не слышал о таком, наверное? Дурак.

— Так значит, не сработает? — в голосе Хильд явно чувствовалось разочарование.

— Нет!

Я судорожно перебирал воспоминания о проведённом в Убежище времени. Металлические стены, яркие светильники, слабый сквозняк, тепло. Это всё не то, не то... Нового озарения не случилось.

— Это всё? — Хильд шагнула вплотную ко мне. Так, что я почувствовал запах её волос. — Прочь с дороги.

Если бы передо мной сейчас стояла Анжела, я бы смог её удержать. Обнять, поцеловать в шею, уговорить не делать глупостей. Но...

— Хорошо.

Я отошёл в сторону, пропуская хозяйку деревни. Пусть делает что хочет. Мне-то что. Я обещал Марте поговорить — я поговорил.

Хильд вышла, утащив с собой пленника. В зале остался я с Мартой и чувством непоправимой ошибки.

— Извини, Марта.

Девочка только сильнее сжалась в кресле, утонув в своём балахоне. Я подошёл к столу и сел на лавку. Взял последний блин с тарелки и отправил в рот. Вкусно.

— Это ты извини. Я наивная дура. Вижу в людях то, чего им самим не хочется видеть.

Голос Марты был тихим, едва слышимым за доносящимися с улицы командами Хильд.

— Она тебе совсем не нравится?

Вопрос застал меня врасплох. Чуть блином не подавился.

— При чём тут «нравится — не нравится»? Я благодарен Хильд за еду и приют.

— И только?

К чему эта малявка ведёт?

— Послушай, до того как я сюда попал, у меня была девушка. Мы собирались пожениться, и если бы не несчастный случай...

— Ты всё ещё не понял? — Марта зыркнула на меня из под серой чёлки. — Ты умер. И никогда не вернёшься в прежнюю жизнь. Чем быстрее ты забудешь прошлое, тем лучше для тебя. И скажи спасибо, что твоё прошлое хотя бы осталось в прошлом, не у всех, знаешь ли, есть такая привилегия.

— Привилегия? Ты что, издеваешься? Меня убили, если ты вдруг забыла.

Голоса снаружи затихли. Видимо, Хильд увела свой маленький отряд. Марта подняла голову и пригвоздила меня долгим взглядом, а затем ответила тихо, но чётко:

— Здесь никто не знает города с названием «Петербург». Ты проиграл бой, ты не смог защитить род, ты подох от ножа как портовая крыса, но всё это было там, в Петербурге, а здесь тебя никто за это не осудит. Нет здесь Петербурга, некому судить. А вот Восмор — есть, Латока — есть, Аррен — есть. И проклятый Масолос, конечно, тоже есть, тьма до сих пор не забрала эту клоаку.

— Подожди, — перебил я, — тебя осуждают за то, что ты выжила?

Маленькая девочка с потухшим взглядом съёжилась и прошептала:

— Осуждают? Свой приговор я в каждом зеркале вижу.

Я не знал, что ответить на это.

— Не подскажешь, куда мне лучше уйти?

— Что?

— Хильд же велела мне проваливать из Тихани. Вот я и спрашиваю, куда. Не у крестьян же спрашивать, в какой стороне Петербург.

Марта махнула ручкой.

— Во дурак! Оставайся. Не хватало ещё мне перед сестрой оправдываться, что тебя не удержала. Иди вон, лучше, Марку помоги на стройке.

Девочка сползла с кресла и потопала наверх. Я остался один в зале.

Может, и в самом деле сходить поработать? Хоть как-то отвлечься от гадкого ощущения на душе.

...

Дядька Марк встретил меня трёхэтажными ругательствами и широченной улыбкой на бородатой физиономии. И тут же запряг подавать длиннющие жерди на крышу. За полдня, которые я прогуливал, деревенские успели поставить сруб и остов двускатной крыши, похожий на скелет динозавра. И теперь они прибивали к этому скелету продольные жерди. Возле дома стояли высокие козлы, на которых сосновые брёвна распиливались на толстые доски. Поодаль высился стог соломы.

Я заглянул в маленькое окошко, прорубленное в срубе. Выровненный земляной пол, заваленный щепой и стружкой. Несколько длинных скамей. И ни намёка на печку внутри. Странно. Судя по дому Хильд и камину внутри него, климат здесь не особо тёплый. Как же люди здесь будут жить без огня?

Яростные крики дядьки Марка поумерили моё любопытство, и я вернулся к работе. Принеси, подай, отойди не мешай, мать-перемать да тудыть-растудыть. Даже гвоздь в стену забить не доверили, не говоря уж о том, чтобы топор мне дать в руки. Обидно немного.

К закату дом был готов. Отличался он от соседних только ярко-жёлтыми пятнами тёсаной сосны да не успевшей осесть копной соломенной крыши, как будто всю деревню строили по единому чертежу. О недавнем пожаре напоминали лишь тёмные пятна на сарае, который не стали перестраивать.

— Спасибо тебе огромное! — дядька Марк подошёл ко мне и протянул пятерню с узловатыми морщинистыми пальцами. — Дюже ты нам помог, храни тебя свет!

Я молча пожал протянутую руку. Деревенские шумной гурьбой уселись за стол, сооружённый тут же во дворе из разобранных козел. И, если я правильно понял дядьку Марка, для меня там места не было. Оно и понятно. Для них я чужак. Чужаком и останусь, пусть и полезным.

Попрощавшись с Марком, я отправился обратно. Чуть не подумал «домой». Нет, мой дом — там где Анжела, родители, моя работа. Где с наступлением темноты не заканчивается жизнь. Где люди не режут друг друга по поводу и без.

От последней мысли я сам едва не рассмеялся. Ну да. Не режут. То-то меня зарезали в уличной драке. Глупость какая. Сюр. Бред. Такого не бывает в настоящей жизни.

Я остановился посередине улицы.

А может, этого и не было? Может, это всё виртуальная реальность, не настоящие переживания? Как «Вспомнить всё», или в той серии «Рика и Морти», с игровым автоматом? И я тоже сейчас просто сижу в той капсуле, и всё происходит только у меня в голове. Тогда понятно, откуда все эти магические способности вроде пыханья огнём и лечения наложением рук. В виртуальной реальности и не такое можно сделать.

Эти мысли здорово подняли мне настроение, и остаток дороги домой я шёл, подпевая хору деревенских жителей, празднующих новоселье.

В новом доме спится сладко

А в своём ещё вкусней

Пожелаем в дом достатка

Света и хороших дней

За воротами дома Хильд я наткнулся на одноногого. Игор подметал двор широкими размашистыми движениями, метла в его руках летала из стороны в сторону словно ничего не весила.

— О, вот и Александер, — одноногий поставил метлу рядом с собой, словно ружьё. — А я уж грешным делом подумал, что ты обиделся на хозяйку и ушёл с концами.

— Было бы куда идти.

— Сталбыть, обиделся всё-таки?

— Да не обижался я. С чего ты взял?

Игор почесал пятернёй бороду, пригладил шевелюру.

— Чудной ты, Александер. Она ж тебя ударила, потом чуть башку не снесла. Иной бы убёг, или в ответку ударил. А ты словно и не заметил.

Вообще-то да. Я настолько увлёкся поиском решения, что просто не обратил внимания на то что чуть не лишился головы. Да и вообще, сама мысль о том что валькирия может меня убить даже не мелькнула. Ерунда какая-то.

— Есть-то хочешь, или тебя Марк покормил?

Живот ответил вместо меня утробным урчанием. Игорь ухмыльнулся и махнул рукой в сторону дома.

— Каша в печке. Хлеб на столе.

После ужина я вышел на внутренний двор. Стемнело, и на небе снова разгулялся этот невероятный звёздный хоровод. Издали доносились голоса — похоже, новоселье праздновали здесь с размахом.

Подошёл к стойке с учебным оружием. Достал деревянный меч. Вот интересно, в этой игре есть какой-нибудь интерфейс? Может надо сказать что-то или подумать, чтобы он появился?

— Параметры.

Ничего.

— Настройки. Меню. Инвентарь. Оценка. Консоль.

Всё по нулям. Так, какие ещё волшебные слова бывают? Я начал судорожно вспоминать нашего кладовщика Макса, который постоянно таскал на работу чтиво в мягких обложках из серии «Хроники Эльфицида». В тех книжках очень дотошно перечислялись миллиарды системных сообщений, что же там писалось? Психокинез, геомантия, долбление долблёнок, начертание рун, издательство «Анабиблос», тираж 148 000 экземпляров, статус... О, точно!

— Статус.

Послышался звук дребезжащего кулера... а, тьфу, это сверчок. И всё, нет ничего.

— Статус. Статус. СТАТУС, Я СКАЗАЛ! А, тьфу. Сезам, откройся! Аварийное прерывание! Сменить язык, семиколон друп тейбл юзерс!

Если голосовое управление и есть, то оно явно не пашет, или на меня не рассчитано. Ну что ж, попробуем сделать всё руками. Я вытянул вперёд левую руку и начал шарить мизинцем в воздухе, пытаюсь нащупать тильду или Escape. Не получилось. Хотя... а что, если эту игру делали корейские шизоиды, и управление здесь совсем инопланетное? Я отсчитал в воздухе десять мизинцев и с силой ткнул пальцем в то место, где должна находиться кнопка F10.

Всё равно не сработало.

Пришлось напрячь память, вспоминая расположение Ctrl-Alt-Del на разных клавиатурах. Больше всего проблем было с третьей клавишей, она могла располагаться почти где угодно.

И это не сработало! Видимо, зря два года работал продавцом-консультантом в магазине электроники, не помогло мне знание ассортимента клавиатур.

Ладно, сдаюсь, принимаем, что я здесь застрял и не смогу вылезти самостоятельно. Может, попробовать применить какой-нибудь навык? Как в том бункере. Что я сделал для того, чтобы выдохнуть пламя? Я закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Полукруглый зал. Светильники на потолке. Шум голосов, шарканье ног, чавканье. Запах металла. Слабый ветерок — сквозняк? Вентиляция? Глинда с подругами, лежащие на полу. «Женихи» в метре от меня.

Вспомнив наглую рожу Славика, я непроизвольно сжал рукоять меча. Открыл глаза. Вот тот манекен — Славик.

— Гори!

Ничего не произошло. Из моего открытого рта не полилось пламя, манекен не вспыхнул сам по себе тоже. Даже деревяшка в моей руке не нагрелась.

Попробуем заморозку. Снова закрыл глаза, вспоминая бегущих на меня стражников Убежища. Вот бы их тогда заморозить!

— Стой! — я вытянул меч в направлении манекена.

Опять неудача. Что-то я делаю не так.

— Ледяное копьё! Фростболт! Фриз эрров! Замёрзни!

Температура ни на градус не понизилась.

— Да чтоб тебя!

Я шагнул к манекену и со всей силы ударил его по соломенной голове. Раздался треск, и мой меч разбрызгало по всему двору щепками, а кисть неприятно заныла. Вот чёрт, ещё один сломал.

— Хватит шуметь!

Из окна на втором этаже вылетела подушка. Я едва успел её поймать, пока она не упала на землю. Следом за подушкой из окна высунулась голова Марты.

— Что ты разорался? Ночь на дворе! Иди в лесу, найди там дерево и головой в ствол побейся, если так приспичило. Дай нормальным людям поспать, чудище древнее!

Не такой уж я и старый, мне даже тридцати нет, чего она обзывается? Кстати, Марта же умеет лечить магией. Надо будет у неё спросить, как она это делает.

— Извини, Марта. Слушай, а можно тебя спросить? Как ты...

— Я хочу спать! И если ты сейчас же не затихнешь, то в следующий раз я брошу горшок!

Ладно, подождут вопросы до завтра. Можно и самому на боковую отправляться.

— Подушку верни.

Отдать боевой трофей? Ну уж нет. Подушка мне и самому пригодится. Опять ведь на лавке в сарае спать.

— Ты что, не слышал? Верни подушку! — крикнула девочка.

Ну что ж. Как говорит народная мудрость, в Риме живи как римлянин, в чужой монастырь не лезь со своим уставом, с волками жить — по волчьей выть, в курятнике... Кхм. В общем, надо соответствовать окружению. Не я начал эту войну, меня вынудили. Мне пришлось применить ультимативное оружие против капризных маленьких девочек.

Я показал Марте язык и убежал с подушкой.

Героя литРПГ из меня не вышло, волшебная система не пришла, придётся жить как человек, без скиллов и статов. А людям, действительно, надо отдыхать. Даже если у меня теперь рост под два метра, кости прочнее стали и напалмовая отрыжка, я всё равно остаюсь человеком, устал и хочу спать.

Но сон не шёл. Я остался один в долгой ночи, со мной были только тяжёлые мысли и парад ярких звёзд в обрамлении перистых облаков. Мужиков-копейщиков было жалко. В Хильд я не сомневался: она со своей магией могла хоть танки останавливать голыми руками. Ей не страшны ни сабли в хилых руках подземных жителей, ни даже завалы: если надо, зубами прогрызёт камень и выберется. Но копейщики не были стальными сверхлюдьми, по-хорошему, они и настоящими копейщиками-то не были — так, работяги с острыми палками, которых высочайшая воля феодала записала в «ополчение». Если им рассечь руку саблей, они упадут от шока и истекут кровью насмерть, а не продолжат бой с диким хохотом и безумным блеском светло-серых глаз. Эти глаза цвета пасмурного неба...

Эх.

Ни с одним из копейщиков я даже не поздоровался, и теперь корил себя за малодушность. Подсознательно я сразу понял, что переубедить Хильд не выйдет, и потому избегал мужиков, как смертельно больных... точнее, как смертников. Отряд не вернулся до темноты, значит, они застряли надолго. Валькирия не успокоится, пока не положит всех врагов, а потери среди своих замечать — не паладинское дело.

— И почему тебя в паладины записали, если ты как берсерк? — проворчал я вслух.

Тогда я ещё не знал, с кем придётся столкнуться завтра.